

В Мире Ляочжая наступление темноты словно происходит в одно мгновение. Пока они разговаривали, порыв ветра ворвался в комнату и задул все свечи. Тао Шаньцзэ ощутил, как внутри всё похолодело, и, не в силах сдержаться, потянулся к Чи Мэю. Хотя способности Чи Мэя были связаны с контролем льда и снега, от него исходило странное, ни с чем не сравнимое чувство близости, будто они были знакомы задолго до встречи на Таймс-сквер.

Но у Тао Шаньцзэ не было времени на раздумья. С наступлением густой ночи на него нахлынул невыразимый ужас. Дверь внезапно распахнулась — неизвестно откуда взявшийся зловеющий ветер вышиб её, а следом за тем, как погасли свечи, снаружи послышался скрежет когтей по стене. Каждый звук, отдававшийся в ушах, вызывал тошноту.

Тао Шаньцзэ взглянул на Чи Мэя, невозмутимо сидевшего на стуле. Если он сейчас прижмётся к нему, то вся напускная твёрдость характера пойдёт прахом. Поэтому он произнёс:

— Ты не пойдёшь закрыть дверь?

— Ты уверен, что сейчас лучше закрыть её, чем оставить открытой? А если внутри что-то есть? Если дверь больше не откроется, что ты будешь делать? Сразу договоримся: ты сам отвечаешь за свои слова и поступки.

Тао Шаньцзэ не ожидал, что Чи Мэй окажется таким мелочным, но признавал, что первым начал он, поэтому просто вскинул подбородок:

— Тогда пойдём посмотрим снаружи.

— Снаружи? А если снаружи нас ждут ещё более страшные чудовища? — усмехнулся Чи Мэй.

— Откуда ты знаешь, что там будут чудовища? — Чи Мэй был первым, кого Тао Шаньцзэ встретил в этом мире, и наверняка знал многие здешние законы. Наладить с ним отношения было для него крайне важно.

Чи Мэй промолчал. Тао Шаньцзэ размышлял о чудовищах, упомянутых собеседником. С его нынешними способностями у него не было ни единого преимущества, разве что возможность подрасть врукопашную. Не зная, что предпринять, он опустил взгляд и увидел, как из-под кровати густым потоком поползли насекомые.

Они высыпали вереницей, словно раньше были свалены в кучу, а теперь, когда оболочка, сдерживавшая их, лопнула, вырвались наружу. Тао Шаньцзэ, словно под гипнозом, присмотрелся.

В одно мгновение у него перехватило дыхание. Он увидел пару глаз, подёрнутых чёрной пеленой, которые зловеще уставились на него. Это был женский труп, давно лишившийся жизни. Тао Шаньцзэ затаил дыхание и проследил за направлением взгляда существа. В следующее мгновение он увидел, что живот женщины вспорот, а внутри полно...

Насекомые использовали женское тело как гнездо, выбираясь наружу после того, как созревали внутри.

Тао Шаньцзэ не сдержал рвотного позыва и ухватился за стену, голова была полна отвратительных и пугающих образов.

— С тобой всё в порядке? — Чи Мэй протянул ему платок. Тао Шаньцзэ, даже не глядя, прижал его ко рту, но в следующий миг почувствовал ещё более резкий запах крови. Он поднял голову — и где же был Чи Мэй? Перед ним стоял иссохший труп с полностью высохшей кровью.

Неизвестно, показалось ли ему, но он даже увидел, как губы мертвеца с трудом шевелятся.

На платке в его руках копошились насекомые, переползая на пальцы. Он стряхнул тварей неизвестного вида и ударил кулаком иссохший труп, от которого разлило ржавчиной и падалью.

Тао Шаньцзэ вспомнил своего друга-судмедэксперта: тот после осмотра места преступления, если сталкивался с высохшими трупами, полчаса проводил в деревенском туалете — только запах нечистот мог перебить трупный смрад, иначе не помогал даже флакон геля для душа.

Сейчас Тао Шаньцзэ испытывал именно такое отвращение. Комната была пропитана гнилью, тошнотворным запахом мертвечины и невыразимым ужасом. Иссохший труп, казалось, не проявлял активности, шатаясь, он рухнул на пол, а Тао Шаньцзэ бросился вон из комнаты. Но стоило ему выбежать, как он застыл в изумлении.

Снаружи не было никакого постоянного двора — вокруг царил настоящий рай. Повсюду развевались парча и шёлк, лестница на второй этаж, где он стоял, теперь сияла золотом, а углы были украшены бриллиантами. Он обернулся к своей комнате, но её и след простыл — вместо неё висел ковёр из тигриных шкур.

Первый этаж превратился в огромный бассейн с вином, в котором резвились полуобнажённые женщины. Вокруг сидели гости и пили, а вдалеке виднелась огромная сцена, где танцовщицы, напоминающие образы с дуньхуанских фресок, кружились в танце, их одежды развевались в воздухе.

Здесь собрались все деликатесы мира, все красавицы предавались неге. Голова Тао Шаньцзэ закружилась, он начал спускаться по лестнице, инкрустированной драгоценными камнями, вдыхая ароматы пудры и цветов.

— Поздравляю с успешной сдачей экзаменов, господин. Я приготовила для вас целый стол, отведайте хоть кусочек. — Изящная женщина уже потянула его за собой, усадила на парчовую подушку и с кокетливой грацией поднесла кубок.

В голове у Тао Шаньцзэ стоял туман. Он знал, что сдал экзамены, знал, что сегодня его

пригласил к себе господин Ли, что он гостит в его усадьбе. Успех на экзаменах, брачная ночь — всё, чего он ни пожелает, было возможно.

Он отпил вина — оно было на редкость ароматным. Красавица рядом, он должен был радоваться, но всё никак не мог отделаться от мысли, что что-то забыл. Будто кто-то ещё должен был быть рядом.

— Я сегодня один на этом пиру? — спросил Тао Шаньцзэ.

— Что вы такое говорите, господин? На экзаменах каждый сам за себя, а вы — дракон среди людей, разумеется, нет вам равных, — кокетливо рассмеялась женщина, отвесила изящный поклон и удалилась.

В этот момент собравшиеся хором воскликнули: Бессмертный посланник прибыл! Бессмертный посланник здесь! — и все разом устремили взгляды к главным воротам.

Ворота, теперь украшенные великолепным жемчугом, сияли в свете свечей. Под крики толпы они распахнулись, и из них выпорхнула божественная дева — везде, где она проходила, опадали лепестки лотоса, создавая ощущение неземной чистоты, далёкой от мирской суеты.

Каждый смотрел снизу вверх на мужчину, парящего в центре зала. Он был высок, но двигался легко, словно пребывал в уединении от мира, и наконец замер в воздухе над сценой.

Тао Шаньцзэ смог рассмотреть его лицо: ошеломляющая красота, действительно, как все и говорили, не от мира сего.

— Все печали в мире рождаются от невозможности удовлетворить желания, — заговорил он. Голос его был тихим, но слышен каждому, каждое слово звучало чётко и трогательно, словно доносилось с небес от самого Будды. — Сегодня здесь собрались лучшие из лучших. Желания — это не тюрьма, а возрождение. Чего вы хотите?

— Я хочу вечной юности! — выкрикнул кто-то из толпы.

В то же мгновение старик, едва передвигавший ноги, преобразился. Его дряхлая кожа начала отслаиваться, как у змеи при линьке, слой за слоем. Зрелище было пугающим, но на глазах кожа под ней становилась нежной и гладкой, как у только что очищенного яйца.

Всего за одно дыхание старик лишился всех морщин и превратился в прекрасного юношу.

Толпа взревела, крики не утихали: Я хочу десять слитков золота! Я хочу воскресить мою умершую мать! Я хочу красавицу-жену...

С каждым их словом желания исполнялись. Но у Тао Шаньцзэ невыносимо заныли глаза Инь-Ян. Он видел, что с каждым исполненным желанием души людей становятся всё более размытыми. Он услышал, как один из гостей сказал: Я хочу, чтобы все, кого я ненавижу, умерли.

Едва он закончил фразу, как четверо человек в зале замертво упали на пол.

Толпа мгновенно притихла, все словно воды в рот набрали.

Бессмертный посланник на сцене тоже на миг замер, а затем произнёс:

— Давайте сыграем в игру. Убив человека, можно забрать его годы жизни себе. При условии, что он даст на это согласие. — Он медленно спустился, зависнув в трёх футах от земли. — А как добиться согласия — зависит от вашего мастерства.

Тао Шаньцзэ вздрогнул, интуиция подсказывала, что всё это неправильно, но прежде чем он успел подумать, все вокруг погрузились в глубокий сон. Тао Шаньцзэ также не смог сопротивляться и провалился в забытье.

— Чжуэр, Чжуэр, проснись, пора принимать лекарство.

— Матушка? — Ли Чжуэр открыл глаза и увидел женщину, чьё лицо было залито слезами. Это была его мать, он знал. Внезапно он не смог сдержать кашель, прикрыл рот платком и, взглянув на него, увидел, что тот весь в крови.

— Молодой господин, пора принимать лекарство, — служанка, стоявшая рядом с матерью, протянула ему густой чёрный отвар. Ли Чжуэр поднял взгляд и понял, что это его наложница, Чи Мэй.

Она послушно сидела на краю кровати, подула на отвар своими алыми губками и поднесла к его рту:

— Молодой господин, будьте осторожны, горячо.

Ли Чжуэр выпил, во рту остался кисло-горький привкус. Чи Мэй кокетливо рассмеялась и положила ему на язык засахаренную ягоду. Её пальцы случайно коснулись его губ, уши Ли Чжуэра покраснели, он опустил голову, наслаждаясь сладостью лакомства.

— Чи Мэй, помоги молодому господину одеться, сегодня идём в храм возжечь благовония, надень что-нибудь подобающее, — распорядилась женщина.

— Слушаюсь, — поклонилась Чи Мэй.

Её пальцы, окрашенные соком бальзамина, легко развязали пояс на одежде Ли Чжуэра, и она не смогла сдержать слёз:

— Молодой господин так похудел, наложнице так жаль вас.

Сердце Ли Чжуэра сжалось, эмоции захлестнули его, он протянул руку и стёр слезу с её щеки:

— Не плачь, мне больно на это смотреть.

— Молодой господин, встретить вас — величайшая удача в моей жизни. Что бы ни случилось, я всегда буду рядом.

Чи Мэй опустила голову, обнажив тонкую фарфорово-белую шею. С этого ракурса на её затылке была видна родинка в форме цветка лотоса.

Ли Чжуэр протянул руку, чтобы коснуться её. Её кожа была гораздо холоднее его собственной, а родинка-лотос, казалось, была врождённой, слившейся с плотью.

— Из-за этой отметины ты столько страдала.

Ли Чжуэр знал: некоторое время назад пришёл высокий монах и сказал, что исцелить его смертельную болезнь может только брак с той, у кого на теле есть родинка в форме лотоса. Так уж вышло, что у самого Ли Чжуэра была родинка в форме листа лотоса. И как назло, в тот же день Чи Мэй оказалась на рынке, пытаясь продать себя, чтобы похоронить отца. Госпожа Ли купила её за тысячу золотых только из-за этого знака, а на следующий день их обвенчали.

Но он относился к ней с должным уважением, и близости между ними не было.

Чи Мэй всхлипнула, но тут же улыбнулась:

— Вовсе не страдала. Молодой господин так добр ко мне, это моё счастье. Сегодня небо затянуло низкими тучами, словно собирался дождь. Чи Мэй, раскрыв промасленную бумажную зонтик, помогла Ли Чжуэру выйти из паланкина, и они неспешными шагами поднялись по ступеням храма, наконец укрывшись от начинающегося ливня под сенью галереи. Ли Чжуэр беспрестанно кашлял, всем своим слабым телом прислонившись к Чи Мэй.

Эта сцена выглядела довольно причудливо: молодой господин, опирающийся на свою служанку, вызывал некоторое чувство неловкости, однако Чи Мэй, фигура которой была крепче, чем у обычных женщин, стояла непоколебимо, ожидая, пока Госпожа Ли позовет их внутрь.

Госпожа Ли, пробывшая там уже довольно долго, наконец вышла. Мельком взглянув на Ли Чжуэра, она вздохнула и произнесла, обращаясь к Чи Мэй:

— Высокий монах велел вам войти.

Чи Мэй кивнула, смутно догадываясь о чем-то:

— Госпожа, можете быть спокойны.

В комнате курился сандал. Высокий монах, сидевший, скрестив ноги, на лотосовом троне, выглядел удивительно молодым и необычайно красивым, совсем не похожим на грешника. Ли Чжуэр поднял глаза и на мгновение ему показалось, что он где-то его уже видел.

— Молодой господин Ли Чжуэр, присядьте, а ты, Чи Мэй, ступай со мной во внутренние покои, у меня есть разговор к тебе, — промолвил монах.

Чи Мэй грациозно поклонилась, бросила взгляд на Ли Чжуэра и последовала за монахом, оставив юношу ждать в приемной. Ли Чжуэр по привычке коснулся своей груди. В глубине души он чувствовал, что прежде ему пришлось перенести невероятные мучения от тяжелой болезни, но, глядя на Чи Мэй, он не мог вспомнить ничего конкретного. Сейчас, оставшись один, он ощутил странную нереальность происходящего.

Но он точно знал, что любит Чи Мэй. С самого первого взгляда, когда он увидел ее, он понял: даже с его болезненным телом он обязан беречь ее.

Здесь, по-видимому, была келья монаха, но в ней было на редкость холодно. Ли Чжуэр окинул комнату взглядом и заметил на столике множество четок. Он подошел поближе: одна из нитей, с пористыми бусинами, напоминавшими кости животных, привлекла его внимание. Над столиком висела картина. Приглядевшись, он увидел искусную работу: краски были подобраны тонко, а фигуры персонажей казались живыми.

Самым странным было то, что на полотне был изображен лев с оленьими рогами и белоснежной шерстью. Он только хотел коснуться картины, как вышла Чи Мэй.

Прошло около получаса, и, судя по всему, она только что плакала.

— Молодой господин, монах велел вам войти.

Ли Чжуэр кивнул, медленно поднялся и направился во внутренние покои.

Монах налил ему чаю. Его лицо было спокойным, и при виде его Ли Чжуэр необъяснимо успокоился.

— Госпожа Ли, как я и просил, нашла девушку с родимым пятном в форме лотоса для обряда «радостного исцеления». Похоже, мое средство оказалось весьма действенным — теперь вы можете ходить, но этого недостаточно. У меня есть рецепт, который позволит вам полностью выздороветь. Хотите услышать?

Ли Чжуэр почувствовал невольную неприязнь к его словам, но само слово выздоровление вызывало в нем жгучее желание.

— Что это за рецепт? — спросил он.

— Череп этой девушки — лучшее лекарство. Если приготовить из него снадобье, вы не только полностью исцелитесь, но и продлите себе жизнь, — медленно проговорил монах, впившись в Ли Чжуэра своими кроткими глазами.

Ли Чжуэр похолодел. От каждого звука в этих словах его бросало в дрожь. Какой же это высокий монах? Перед ним был настоящий монах-демон. Он попытался встать, но тело не слушалось. Монах продолжил:

— Я только что говорил с ней, она согласилась. Сегодня вечером она разделит с вами последнюю трапезу, а затем выпьет отравленное вино. Решение — позволить ей пить или нет — остается за вами.

У Ли Чжуэра онемели руки и ноги. Он не помнил, как вышел из кельи, пока холодный дождь не ударил ему в лицо. Когда Чи Мэй подбежала, чтобы укрыть его зонтом, он с силой оттолкнул ее и закричал под дождем:

— Он демон, а не монах! Как ты могла слушать ту чушь, что он нес?!

Чи Мэй заплакала:

— Молодой господин, я просила его не говорить вам. У меня есть надежда только если вы живы. Он сказал, что вам осталось не больше семи дней. Я не хочу, чтобы вы умирали.

— Какой смысл в моей жизни, если ты погибнешь? Если ты уйдешь раньше меня, я не стану жить один! — кричал Ли Чжуэр, насквозь промокший, хватая Чи Мэй за руки. — Обещай мне — живи. Даже если нам суждено быть вместе всего семь дней, я умру без сожалений.

Ли Чжуэр простудился. Лежа в кровати и глядя на рыдающую Чи Мэй, он прошептал:

— Я скажу матушке, чтобы больше никогда не обращалась к этому демону. У доброго человека своя судьба, моя жизнь в моих руках, а не в его предсказаниях, сколько мне осталось.

Чи Мэй сквозь слезы кивнула, не выпуская его руки из своей.

Они смотрели друг на друга, сплетя пальцы, пока Чи Мэй наконец не произнесла:

— Молодой господин, я обещаю, что не наложу на себя руки.

Когда Чи Мэй ушла готовить еду, Ли Чжуэр закашлялся — в груди невыносимо давило. Неожиданно он вспомнил о своей матери, и, словно в подтверждение дурного предчувствия, в комнату вбежала главная служанка из покоев Госпожи Ли:

— Молодой господин, беда! Госпожа она... Госпожа...

Ли Чжуэр вздрогнул, охваченный паникой:

— Не суетись, говори внятно. Что случилось?

— Госпожа вернулась из храма и слегла. Только что, пока я ей прислуживала, она выплюнула полный рот крови. Молодой господин, скорее, идите же!

Ли Чжуэр в тревоге, не успев даже накинуть верхнюю одежду, побежал к матери. Та лежала бледная, словно полотно, без капли жизни, тяжело прислонившись к изголовью. Увидев сына, она зарыдала:

— Это погубит меня, сынок.

— Матушка... — Ли Чжуэр с ужасом сжал ее руку.

— Я знала, что ты не захочешь расстаться с Чи Мэй, поэтому попросила монаха наложить на вас порчу-гу. Мы с Чи Мэй связаны: если сегодня вечером она останется в живых, ты больше никогда не увидишь свою мать, — Госпожа Ли выглядела изможденной. — Не вини меня в жестокости, ведь я делаю это для тебя. Чжуэр, мы с отцом жили ради тебя одного, я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось. Если ты твердо решил оставить ее у себя, я готова пожертвовать своей жизнью.

Сердце Ли Чжуэра сжалось от боли:

— Матушка, неужели я должен был найти девушку с родимым пятном в форме лотоса только потому, что лист лотоса на моем теле и ее лотос — это соединенные судьбы?

Соединенные судьбы означали, что их жизни были связаны, и один мог спасти другого, пожертвовав собой.

— Чжуэр, она всего лишь девчонка, которую я купила на рынке. Чернила на ее расписке о продаже еще не высохли. Если она тебе по душе, то разве мало девушек, которых ты сможешь выбрать потом? — Госпожа Ли не ответила прямо, но Ли Чжуэр понял: все так и есть. Именно поэтому жизненная энергия Чи Мэй могла исцелить его тело, именно поэтому ее жизнь могла дополнить его.

— Матушка, я понял. Я приму решение сам. — Ли Чжуэр поклонился и увидел на запястье матери ярко-красную нить — ту самую порчу. Мать не лгала: если Чи Мэй не умрет сегодня, умрет она. Получалось, что смерть Чи Мэй спасет их обоих.

Но чем провинилась Чи Мэй? Она просто полюбила Ли Чжуэра, просто случайно оказалась в этом пышном мире людей. Неужели она должна погибнуть, так и не вкусив радости жизни?

Ли Чжуэр, сдерживая тошноту, вышел на улицу. Дождь полил стеной. Волосы мгновенно намокли, одежда прилипла к телу. Каждый шаг давался с трудом, словно ноги налились

свинцом. Он не мог позволить матери умереть, но не мог допустить и гибели Чи Мэй.

Обе эти женщины были самыми дорогими ему людьми.

Охваченный душевным смятением, он вернулся в комнату и увидел Чи Мэй, чье лицо озаряла радостная улыбка:

— Молодой господин, зачем вы промокли под дождем?

Она поспешно бросилась к нему, чтобы помочь снять мокрую одежду, но в следующий миг Ли Чжуэр схватил ее за руки. Дождевая вода стекала с его ресниц, но он не моргал:

— Чи Мэй, живи. Живи долго-долго.

Чи Мэй вздрогнула, затем нежно проговорила:

— Я ведь обещала вам, я буду жить.

— Нет, живи долго и счастливо, до глубокой старости. Ты еще встретишь того, кого полюбишь, и кто полюбит тебя, но этим человеком буду не я, — Ли Чжуэр говорил сдавленным голосом. Простуда и невыносимая горечь в сердце заставили его закашляться и выплюнуть кровь. Он вытер ее платком и встретил полный тревоги взгляд Чи Мэй. — Обещай мне.

Чи Мэй уже заливалась слезами:

— Обещаю.

— Мне стало холодно, принеси мне сухую одежду, — сказал Ли Чжуэр.

Чи Мэй кивнула, вытирая слезы рукавом:

— Молодой господин, идите к очагу, погрейтесь, сейчас уже будем ужинать.

Ли Чжуэр кивнул и выдавил из себя улыбку. Несмотря на бледность и мокрые волосы, улыбка его была ласковой:

— Хорошо.

Чи Мэй повернулась, но внезапно Ли Чжуэр удержал ее за руку. Подул ветерок, снаружи стало еще холоднее. Ее пальцы были ледяными, даже холоднее, чем его собственные.

Чи Мэй сглотнула и тихо прошептала:

— На твоём лотосе не хватает листа, я нарисую его тебе.

— Молодой господин...

Красный лотос.

— Иди, я проголодался, — Ли Чжуэр сел, с улыбкой глядя на нее, и помахал рукой. Его глаза блестели от выступивших слез. Снаружи гремела гроза, было темно и неудобно.

Чи Мэй зашла во внутренние покои за одеждой, но, едва коснувшись ее, почувствовала неладное. Она как безумная бросилась обратно, но было слишком поздно. Бушевал ураганный ветер, в глубине пруда мелькнул лишь подол ее платья. Шум дождя заглушал всё — даже всплеска воды не было слышно.

Тишина. Сердце Чи Мэй внезапно замерло. Звуки бури исчезли, всё вокруг начало расплываться и искажаться, и в конце концов осталась лишь вода пруда.

— Молодой господин! — закричала она, в отчаянии падая на колени под проливной дождь. — Нет...

Предварительный заказ: одно семя лотоса, отосланное в Город Тоски по Возлюбленному. Но боюсь, что, покинув горы, семена в людском мире не прорастут.

В следующее мгновение, не раздумывая, Чи Мэй подобрала подол и прыгнула в воду. Холод захлестнул дыхание, жизненные силы стремительно покидали ее, и последнее, что она увидела — плывущий по поверхности лотос, спрятавшийся среди листьев, где едва угадывались прожилки.

Она подумала, что они с Ли Чжуэром действительно были созданы друг для друга.

<http://bllate.org/book/22407/2352256>